

СЛОВ'ЯНСЬКИЙ ПОЛІЛОГ: ЗБІРНИК НАУКОВИХ ПРАЦЬ

цивилизационных перемен [1, р. 484]. Ивона Зданович пишет: «Прощание с Матерой» «подводит своеобразный художественный итог размышлениям писателя о трагической судьбе деревни перед неизбежностью технического прогресса, осуществляемого варварскими, жестокими и антигуманными методами» [7, с. 378]. Одновременно Вавжинчак справедливо замечает, что поступок Петрухи является угрозой для малой родины, символом ухода от традиции и деревенского общества [4, р. 72]. Повесть, созданная в эпоху урбанистических и индустриальных проектов, насквозь пронизана мотивами прощания, «последнего поклона» малой родине, а также тоской по утрачиваемым нравственным ценностям, упорядоченному патриархальному быту, единению деревенской жизни с природой.

Литература:

1. Historia literatury rosyjskiej XX wieku: praca zbiorowa / pod red. Andrzeja Drawicza; aut. Bobilewicz Grażyna [et. al]. Wyd. 2, 1 dodr. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007. 697 p.
2. Wasiliew W. W imię prawdy i dobra człowieka, (w:) *Antologia radzieckiego eseju literackiego*. PIW, Warszawa, 1979. 592 p.
3. Распутин В. Прощание с Матерой. Повести. М: Молодая Гвардия, 1980. 446 с.
4. Wawrzyńczak A. *Naród i państwo w twórczości pisarzy rosyjskich nurtu «wiejskiego»*. Wasilij Bielów, Władimir Liczutin, Walentin Rasputin. Kraków, 2005. 196 p.
5. Żejmo B. *Problemy etyczne we współczesnej prozie i publicystyce rosyjskiej*. Łódź, 2000. P. 60-90.
6. Хомяков В. пришел велигий день гнева. URL: http://www.univer.omsk.su/trudy/fil_ezh/matera.html
7. Зданович И. Мировоззренческая установка В. Распутина на проблему научно-технического прогресса («Прощание с Метерой», «Пожар»). Творческая личность Валентина Распутина: живопись-чувство-мысль-воображение-откровение. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2015. С. 374-386.

ПРОТОПОП АВВАКУМ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

Лариса Дзиковская

к. филол. н., доцент

E-mail: dzikovsraya86@gmail.com

Измаильский государственный гуманитарный университет

г. Измаил, Украина

5 декабря 2020 года исполнилось 400 лет со дня рождения протопопа Аввакума Петрова (1620-1682), идеолога древлеправославия (старообрядчества), священника Русской церкви и русского писателя: « В 2020 году исполняется 400 лет со дня рождения выдающегося русского писателя и религиозного деятеля протопопа Аввакума Петрова, автора всемирно известного памятника древнерусской литературы – «Жития». Протопоп Аввакум Петров (1620-1682) принадлежит к числу наиболее ярких фигур русской истории. «Богатырь-протопоп» (по выражению историка С. М. Соловьева), он явил миру с необыкновенной мощью те качества, в которых русский человек отразился во всем многообразии его характера, – несокрушимую волю, силу духа, страстность, готовность к самопожертвованию во имя великой идеи. Общее число сочинений «огнепального протопопа» велико. Это беседы, челобитные, полемические и учительные послания к отдельным лицам и группам единомышленников.

Но главное произведение Аввакума, являющееся литературным памятником мирового значения, – это его «Житие», которое представляет величайшую ценность и как свидетельство о жизни священномученика и исповедника древлеправославной веры, и как исторический источник, характеризующий русское общество середины XVII века в его отношении к Никоновым «новинам». «Житие» протопопа Аввакума, написанное по «понуждению» его духовного отца инока Епифания, представляет собой новую страницу в истории русской литературы в целом. Будучи строгим традиционалистом в церковной области, Аввакум выступает в области литературы как новатор, на два века опережая развитие русского литературного языка. Прежде всего, на фоне предшествующей литературной традиции выделяется его стиль и поэтика. Язык Аввакума — подчеркнуто разговорный («занеже люблю свой русский природный язык») [1].

Образ протопопа Аввакума, мученика XVII века, становится необыкновенно созвучным русским людям века XX. В середине 1920-х годов русский критик и литературовед первой волны эмиграции К. В. Мочульский признавал, что для современных русских прозаиков «Аввакум, пожалуй, нужнее Толстого...» [2, с. 36]. Чем объяснить такое повышенное внимание к личности и творчеству протопопа Аввакума в революционные и первые послереволюционные годы? По мнению современного исследователя Ю. В. Розанова, это объясняется несколькими причинами. Во-первых, общим интересом к отечественной истории и поиском в ней харизматических личностей, созвучных современности. Во-вторых, наличием в текстах Аввакума «пророческих» откровений, легко поддающихся современной эсхатологической интерпретации. Слова Аввакума: «Выпросил у Бога светлую Россию сатана, да очервленил ее кровью мученической» в годы революции и Гражданской войны зазвучали совершенно по-особому. Наконец, в-третьих, присутствием Аввакума в революционных «святцах» в статусе одного из первых борцов за освобождение трудового народа.

Образ священника-раскольника XVII века Аввакума, кажется, витал «в воздухе» для русской интеллигенции первой четверти XX столетия [2]. Это была историческая эпоха, когда Максимилиан Волошин созрел одновременно и как личность, и как писатель. Интеллектуальные поиски, художественные эксперименты и политические потрясения 1920-х годов помогли ему сформироваться как поэту с собственным взглядом на стихотворную форму, а также как гражданину со своей точкой зрения на современную политику.

Судьба истинных поэтов в любые времена и в любых обстоятельствах служить Истине и своему предназначению, чем бы им это не угрожало. «В дни революции быть Человеком, а не Гражданином», – призывает Макс Волошин [3, с. 299]. Именно так он определил доблесть поэта в одноименном стихотворении. В другом из ранних стихотворений без названия, которое вошло в книгу шестую «Фрагменты, незаконченные и шуточные стихотворения», Максимилиан Волошин практически пересказал пророческие воззвания классиков русской поэзии:

В знойный полдень был мне глас:

«В этот час

Встань, иди и всё забудь...

Жгуч твой путь»...

Вестник огненных вестей,

Без путей,

Прочь ушел я от жилищ,

Наг и нищ.

(«В знойный полдень был мне глас...», 1910) [4, с. 424]

Думается, что Волошин не случайно не дал этому стихотворению названия, оно читается между строк, и прямые указания были бы лишними. Эта поэтическая переключка указывает на то, что поэт вполне осознал свое предназначение и уже ощутил «жгучесть» и неотвратимость этого пути. Предназначение поэта – быть Пророком.

СЛОВ'ЯНСЬКИЙ ПОЛІМОГ: ЗБІРНИК НАУКОВИХ ПРАЦЬ

Судьба поэта, осознавшего свой пророческий дар и до конца исполнившего свое предназначенье, укладывается в волошинскую формулу:

И никогда – ни счастье этой боли,
Ни гордость уз, ни радости неволи,
Ни наш экстаз безвыходной тюрьмы
Не отдадим за все забвенья Леты!
Грааль скорбей несем по миру мы –
Изгнанники, скитальцы и поэты!

(«Corona astralis» (Звездная корона), 1909) [4, с. 124].

Спустя много лет, в 1922 году, в стихотворении «На дне преисподней», которое было посвящено памяти Александра Блока и Николая Гумилева, Волошин напишет:

Темен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведет
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.
Может быть, такой же жребий выну... [4, с. 282].

Как и многие русские поэты, М. Волошин провидел не только свою личную трудную судьбу, но и судьбу своей страны:

В шквалах убийств, в иступленьи усобиц
Я охранял всеединство любви,
Я заклинал твои судьбы, Россия,
С углем на сердце, с кляпом во рту...

(«Четверть века (1900 – 1926)», 1927) [3, с. 304].

Профетизм волошинского духа сравним с библейским: поэзия и публицистика этого периода наполнена религиозным смыслом и образами, о чём свидетельствуют названия стихотворений: «Демоны глухонемые», «Неопалимая купина», «Ангел мщенья» и другие. Вне библейского духа невозможно понять волошинское творчество этого периода и, тем более, оценить его личную жертвенность:

В смутах усобиц и войн постигать целокупность.
Быть не частью, а всем: не с одной стороны, а с обеих...
Ты соучастник судьбы, раскрывающей замысел драмы...
Помнить, что знамена, партии и программы
То же, что скорбный лист для врача сумасшедшего дома.
Быть изгоем при всех царях и народоустройствах:
Совесть народа – поэт. В государстве нет места поэту.

(«Доблесть поэта (Поэту революции)», 1925) [3, с. 299].

Актуализация того или иного исторического сюжета всецело связана с особенностями времени, из которого человек смотрит на прошлое. Сегодня становится все более и более очевидным, что история – одна из форм существования настоящего времени, «пророчество, обращенное в прошлое» (Ф. Шлегель). Впервые Волошин прочёл «Житие» Аввакума в январе 1913 года в Москве, возможно, под воздействием картины В. И. Сурикова «Боярыня Морозова». Созданная позднее поэма «Протопоп Аввакум» была посвящена памяти русского художника.

Замысел поэмы относится еще к концу 1917 года. Однако полностью она была написана в течение первой половины 1918, вошла в книгу под общим названием «Неопалимая Купина» (стихи о войне и революции) и тесно связана со статьей Волошина «Россия распятая», в которой осмыслиется творческая история целого ряда стихотворений («Москва», «Брестский мир», «Святая Русь», «Личины») [5, с. 201-203].

Поэма «Протопоп Аввакум» представляет собой стихотворное переложение «Жития» Аввакума и некоторых других его произведений. Волошин по возможности старался сохранить язык и стиль аввакумовского оригинала, тем самым создавая разговор от лица опального протопопа. Стилизация поэтического слова, нарочитая неправильность

СЛОВ'ЯНСЬКИЙ ПОЛІЛОГ: ЗБІРНИК НАУКОВИХ ПРАЦЬ

речи, выбор формы свободного стиха, тяготеющего к нерифмованному ямбу, осмысление языка как материала, поиск формы, приведший Волошина к «версэйнности» его поэмы – метафорической каденции прозаического первоисточника (по Ю. Орлицкому). Образно-речевая структура текста, «эмбриональная стихопроза» (по О. Федотову) летописей, памятников древней письменности, обращение к мотивам Древней Руси, – все это способствует созданию мифологизма художественного мышления в поэме Волошина.

Мифологизм мироощущения проявляется также и на идейно-тематическом уровне, а именно прежде всего в эсхатологических представлениях: важнейшим для поэта становится творческое ощущение перманентного течения жизни, ее возвращения и повторения. В мифопоэтическом мышлении память и прапамять – одно целое, составляющее в совокупности «двойную память». Но в этой «двойной памяти» есть место и героям, и антигероям – из дней нынешних, и из веков минувших. Таковыми в поисках новой образности выступают личины (Красногвардеец, Матрос, Большевик, Буржуй, Спекулянт), облики (современники Волошина) и лики из прапамяти, – «те, кто был, и те, кого уж нет», но при этом «их дух, их мысль, их ритм, их бунт, их крик» продолжают волновать художественное сознание поэта.

В общем мифологическом пространстве именно эта прапамять позволяет Волошину быть самым протопопом Аввакумом. Отражение прапамяти в образно-поэтической структуре текста находим в художественных символах, открывающих особую семантическую перспективу, – прежде всего в архетипе-символе огня, истоки которого также в мифологизме мироощущения авторов (для сравнения главы 1 и 15):

(зачин)

Отец рече сынови:

- Сотворим человека

По образу и по подобию огня небесного...

И голос был ко мне:

- «Ты подобает облачиться в человека

Тлимого,

Плоть воспрять и по земле ходить.

Поди: вочеловечься

И опаляй огнем!»

Был же я, как уголь раскаленный,

И вдруг погас,

И черен стал,

И, пеплом собственным одевшись,

Был извержен

В хлябь внешнюю... [3, с.183];

(финал)

Построен сруб – соломою накладен:

Корабль мой огненный –

На родину мне ехать.

Как стал ногой –

Почуял: вот отчало!

И ждать не стал:

Сам подпалил свечой.

Святая Троица! Христос мой миленькой!

Обратно к Вам – в Ерусалим небесный!

Родясь – погас,

Да снова разгорелся [3, с. 200].

Весьма созвучный блоковскому «мировому пожару в крови», требующего к тому же Господнего благословения, художественный мир поэмы перенасыщен фантазмагорическими антиномиями дьявольского и божественного, профанного и

СЛОВ'ЯНСЬКИЙ ПОЛІЛОГ: ЗБІРНИК НАУКОВИХ ПРАЦЬ

сакрального: сатана может «выпросить» у Бога «светлую» Россию (Ср.: Выпросил у Бога светлую Россию сатана – // Да очервленил ю // Кровью мученической. // Добро ты, Дьявол, выдумал – // И нам то любо: // Ради Христа страданьем пострадати). Но и мученик протопоп Аввакум, желая «отчалить» на своем огненном «корабле» к небесному Иерусалиму, не дожидается казни, сам подпаливает свечой солому сруба, то есть совершает самоубийство. Но в то же самое время в благодарности Аввакума Дьяволу – за «кровь мученическую» – «Добро ты, Дьявол, выдумал – И нам то любо: Ради Христа страданьем пострадати», – следует рассматривать как формулу абстрактной мифопоэтической амбивалентности Добра и Зла, имеющий христоцентричный характер. В этом поэтическом обращении нельзя не почувствовать художественного отзвука православного пасхального архетипа. Воскресение – это совсем не второе рождение, не возрождение. Это – спасение и переход в иное духовное измерение, в иное качество.

Понятны исходные мотивы и образные параллели Аввакума и Волошина: церковный раскол – Гражданская война, Революция – Смутное время. Волошин – он сам «и есть» Аввакум, путь поэта Волошина – от прозы Аввакума к собственной поэзии («Россия», «Дикое поле», «Владимирская богоматерь»). «Его вывод, – пишет исследователь творчества М. Волошина Э. Менделевич, – чисто христианский: муки России, это муки искупления грехов человечества, муки рождения справедливости» [6, с. 48]:

Мы погибаем, не умирая.
Дух обнажаем до дна.
Дивное диво! – горит, не сгорая,
Неопалимая купина!

(«Неопалимая купина», 28 мая 1919 *Коктебель*)

Согласно убеждению Волошина, уникальность XVII века, «на котором лежит последний золотой луч отмирающей Старой Руси» [7, с. 365], заключается прежде всего в том, что это время легендарных личностей. В доказательство своей мысли он цитирует историка Сергея Соловьева: «Аввакум в драгоценном Житии своем является не один, но окруженный целой дружиной подобных ему богатырей, которые расходились в защиту двуперстного служения и двойной аллилуйи и не могли найти себе удержу» [7, с. 366]. Автор ведет речь о духовных сподвижниках Аввакума – боярыне Морозовой и княгине Урусовой, юродивом Федоре, князе Хованском, священнике Лазаре, старце Епифании и многих других. Важно, что первым в этом ряду упоминается имя боярыни, единственной оставшейся в живых и ставшей непосредственным адресатом высказывания: «Федосья Прокофьевна, боярыня, увы! Твой сын плотской, а мой духовный, Как злак посечен: Уж некого тебе погладить по головке, Ни четками в науку постегать, Ни посмотреть, как на лошадке ездит» [7, с. 314].

Поэт отмечает важность для современности знания о «богатырских русских характерах»: хотя поводы для конфликтов изменились, суть их та же – то есть имеют значение не точные лозунги тех или иных протестных движений, а непреходящее стремление к бунтам. А в наброске, предположительно относящемся к марту 1921 года, поэт, развивая свои более ранние идеи, пишет: «Мятежный дух делает Аввакума одним из близких нашему духу» [7, с. 714]. Тема мятежа, как известно, является одной из ключевых для Волошина – это и такие стихи «древнерусской» тематики, как «Стенькин суд», «Dmetrius-imperator», и стихотворение о метафизической сущности России «Неопалимая Купина», и глава «Мятеж» в поэме «Путями Каина». Также имя мятежного протопоба встречается (вполне закономерно) и в «Сказании об иноке Епифании» (1929): «А вместе Федор, Аввакум и Лазарь, Когда костер зажгли в огне запели дружно: «Владычица, рабов своих прими!» [3, с. 311].

Образ Аввакума занимает значительное место и в литературно-жизненном самоопределении Волошина. Не стоит забывать, что Волошин был, несмотря на личные расхождения, по типу мироощущения близок Вячеславу Иванову, провозгласившему

принцип «от реального к реальному» (a realibus ad realiora)». В анкете М. М. Шкапской, заполнявшейся гостями «Дома Поэта» – и самим хозяином — в 1924 году, на вопрос «Любимый писатель» Максимилиан Волошин ответил: «Протопоп Аввакум» [7, с. 298], а во втором варианте анкеты – просто «Аввакум» [7, с. 299]. И в письме С. Ф. Платонову от 1 июня 1924 г. поэт утверждает: «"Книжица " Абакумова в СПб и Владимирская Богоматерь в Москве – это было самое сильное из всего, что мне довелось повидать теперь на Севере после 7 лет отсутствия». Речь идет о рукописи (вероятно, «Пустозерский сборник» Дружинина), которую 6 мая 1924 года в Ленинграде в Академии наук гость из Коктебеля получил возможность подержать в руках [5, с. 263-323].

Особенное пристрастие Волошина к личности Аввакума отмечалось и в шуточном регистре. Так, 14 июля 1925 года «на «чайно-обеденной террасе» Дома поэта было вывешено «объявление о «вылазке волошинцев в Нарпит за мороженым» в 14 ч. Предлагалось прибыть «в своих национальных карнавальных одеждах»; устроители – акционерное об-во "Сумасшедший дом имени протопопа Аввакума"». Нетрудно понять, с кем соотносился в данном случае протопоп, которого Волошин считал духовно близким не только своей эпохе вообще – но и себе самому. Современники также отмечали интерес Волошина к Аввакуму: «образ этого расколоучителя XVII века, протопопа Аввакума, просидевшего четырнадцать лет в земляной тюрьме Сибири и не отказавшегося от своих убеждений, увлекает Волошина». Нечто древнерусское в облике поэта отмечали и его друзья – иногда уже при первом знакомстве, как например, Вс. Рождественский: «Всё в его облике дышало давней, чуть ли не допетровской Русью» [8, с. 553].

В связи с вышесказанным для настоящего исследования представляет интерес классификация типов автора в книге С. Н. Руссовой «Автор и лирический текст». Там «выявляется ... типология, отражающая формы проявления литературных конвенций и читательского восприятия, в зависимости от которой те или иные типы автора становятся репрезентативными. Рассматривается динамика процесса секуляризации творчества от автора-«пророка» до автора-«художника», «ремесленника», «изгоя», «трикстера» и «частного человека». Волошина можно соотносить практически с каждой из данных категорий, но доминирующим, судя по интенции большинства текстов и части бытового поведения, оказывается все же тип автора-«пророка». Однако и Аввакум аналогичным образом роднится с библейскими пророками (как ветхозаветными, например, упомянутым им самим в «Книге посланий» Даниилом, так и новозаветным апостолом Иоанном, автором «Откровения»). А так как Волошин сознательно выстраивает свой творческий облик, ориентируясь прежде всего на Аввакума, которого называет любимым писателем, формирует поэтическое единство авторов-пророков от глубокой древности до первой трети XX века.

Именно «конец эпохи» концентрирует в себе ее противоречия и одновременно показывает ростки начала новой эры, и таким периодом для агонизировавшей Древней Руси был «бунташный» XVII век. Волошин же воспринимал начало XX век как конец той России, с которой была связана вся его предшествующая жизнь, и здесь же он находил начало ее перерождения. Поэт разрешал конфликт двух видений времени – циклического и линейного, выбирая в творчестве соединение их в спиралевидное развитие культуры посредством обращения к прошлому, не копируя его, а соединяя древние образы и сюжеты с современными стилистическими особенностями и с философскими универсалиями, что придает ещё больше значимости как современным теориям, так и символам и событиям древности. Обращаясь к прошлому, Волошин в преддверии очередного исторического перелома пытался вернуть слову поэта священное значение.

Литература:

1. Кожурин К. Я. Образ протопопа Аввакума в русской поэтической традиции XVIII – XIX вв. *Выступление на конференции «Старообрядчество в истории и культуре*

СЛОВ'ЯНСЬКИЙ ПОЛІМОГ: ЗБІРНИК НАУКОВИХ ПРАЦЬ

России: проблемы изучения (к 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума)». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kT5Ni-RmnII>

2. Мочульский К. В. Великие русские писатели XIX в. СПб.: Алетейя, 1999, 2000, 2001. 160 с.
3. Волошин М. Всемирная библиотека поэзии. Избранное. Ростов-на-Дону. «Феникс», 1996. 448 с.
4. Волошин М. А. Избранное СПб.: ТОО «Диамант», 1997. 448 с.
5. Купченко В. Жизнь Максимилиана Волошина. Документальное повествование. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2000. 400 с.
6. Менделевич Э. «Пойми простой урок моей земли...». Статьи о Максимилиане Волошине. Орел: Труд, 2001. 160 с.
7. Волошин М. А. Собрание сочинений: В 12-ти томах (14 книгах). М.: Издательство Эллис Лак, 2000-2009. Т. 6 (Кн. 2).
8. Рождественский Вс. Из книги «Страницы жизни». *Воспоминания о Максимилиане Волошине*. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/Voloshin/Memoirs/mem52.shtml>
9. Руссова С. Н. Автор и лирический текст. К.: Издательский центр КГЛУ, 2001. 305 с.

БУНИН – ПЕРЕВОДЧИК Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Алексей Кискин

к. филол. н., доцент

E-mail: kiskinalexey@gmail.com

*Измаильский государственный гуманитарный университет
г. Измаил, Украина*

Творческое наследие Тараса Шевченко интересовало переводчиков многих национальных литератур. Но самое большое внимание переводу произведений великого Кобзаря уделила русская литература. Первые русские переводы появились еще при жизни Шевченко. Этот факт справедливо отмечен в Полном собрании сочинений украинского поэта, изданном в Чикаго в 1963 году. Такое внимание к творчеству Тараса Шевченко обусловлено не только территориальной, но и культурной близостью Украины и России. Следует также учитывать и семнадцать лет проживания украинского поэта в Санкт-Петербурге.

Украинская тема не была чем-то чужеродным в творчестве И. А. Бунина. Тесные контакты русского писателя с Украиной, систематическое изучение ее культуры начались в 1892 году, когда Иван Алексеевич приехал в Полтаву к своему брату Юлию. Здесь он проживет до 1897 года. Бунин служит в земской управе статистиком, библиотекарем, участвует в открытии книжного магазина, знакомится с местной прогрессивной интеллигенцией. На вечерах памяти Т. Шевченко, организованных присяжным поверенным Н. Дмитриевым, Иван Алексеевич участвует в обсуждении творчества Кобзаря, знакомится с работами писателей и поэтов украинского возрождения. Рассылка книг по библиотекам Украины способствовала знакомству Бунина со столичной и провинциальной жизнью страны. Он несколько раз путешествовал по Днепру на пароходе и поезде, посетил много крупных городов (Киев, Кременчуг, Миргород, Одесса, Херсон, Чигирин Черкасы, Хорол, Лубны), восхищался сельскими ярмарками. Светлые воспоминания украинской юности будут сопровождать Бунина на протяжении всей его творческой жизни, следы украинской культуры встречаются во многих произведениях автора. Украинская тематика в творческом наследии русского писателя достаточно глубоко изучена в разделе монографии И. Газера «Бунин: завещанное и новое» [1], а также в статье В. Базилевского «Україніка Івана Буніна» [2, с. 180-196; 3, с. 183-189].